

МАРИЯ РОМАНУШКО

Зоопарк на тринадцатом этаже

Мария Романушко

Зоопарк на тринадцатом этаже

«Издательские решения»

Романушко М.

Зоопарк на тринадцатом этаже / М. Романушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512790-7

В книгу вошли истории о домашних любимцах — маленьких симпатичных животных. Герои книги: кролик, две черепахи, мышки, петушок и курочка, а ещё голубая крыса Лиза. И всё это в однокомнатной московской квартире на тринадцатом этаже!

ISBN 978-5-00-512790-7

© Романушко М.
© Издательские решения

Содержание

Полный улыбок и загадок	6
Доброе утро, крольчишка!	7
Слаломистка в панцире	10
Существа в шёлковых шубках	11
Сладкая парочка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Зоопарк на тринадцатом этаже

Мария Романушко

© Мария Романушко, 2020

ISBN 978-5-0051-2790-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полный улыбок и загадок

Наш маленький домашний зоопарк. Как он возник – в однокомнатной писательской квартире, забитой книгами и рукописями, на 13-ом этаже московской многоэтажки? Да очень просто!

Просто давно хотелось завести кого-нибудь тёплого и пушистого. Особенно этого хотелось дочке Ксюше. Она, как большинство девочек, страстно мечтала о котёнке. И, втайне, ещё о спаниеле.

Но... врачи сказали: чтобы и близко не было никого пушистого! Причина – сильнейшая аллергия у Ксюши, и именно на шерсть животных. Когда у нас погостил недолго бабушкин кот, над Ксюшей навис угрожающий диагноз – «астма», и отвести его от дочки можно было лишь решительным отказом от всех на свете тёплых и пушистых... Это было печально.

Но мечта, несмотря на запреты врачей, продолжала жить и не давала Ксюше (и нам вместе с ней) покоя. Каждый день, за утренним чаем, Ксюша заводила один и тот же разговор: «Кого бы мы завели, если бы у нас не было аллергии?..»

Правда, у нас жила черепаха. Но она была, что называется, «вещью в себе», к тому же – любила поспать, и в эти её долгие зимние отлучки под шкаф Ксюша начинала особо остро тосковать о «Ком-нибудь» тёплом и пушистом...

Ксюша мечтала, что когда она, Ксюша, вырастет, то обязательно будет работать в зоопарке. Будет кормить своих любимых мышек, кроликов и гепардов!

А пока... Пока мы скупали всё плюшевое зверьё, которое встречалось у нас на пути. Ксюше казалось, что если купить ещё одного плюшевого котёночка, и ещё одного медвежонка, и вот этого слонёнка, и вот этого волчонка, и вот этого лисёнка – то ей станет легче. В смысле – веселее. Ксюшин плюшевый зоопарк заполонил постепенно всю, и без того маленькую и переполненную, квартиру.

И при этом каждое наше утро начиналось, неизменно, с одного и того же:

– Давай поговорим о том, кого бы мы завели, если бы у нас не было аллергии, – говорила проникновенно Ксюша, когда я ставила перед ней чашку утреннего чая...

И так – в течении пяти лет. Нет, она не плакала и не просила. Она, разумный ребёнок, всё понимала. Она просто размышляла: «Интересно, кого бы мы завели, если бы...»

И тогда я подумала: а что, если попробовать?.. Пусть не кошку и не собаку, которые будут повсюду оставлять свою шерсть, а кого-нибудь другого – маленького?..

И мы – решились. И вот уже пять лет живём удивительно нескудной жизнью!

А как же аллергия? Её – нет. Сбывшаяся мечта оказалась лучше всяких лекарств. Спасибо нашим милым зверушкам! Не только за излечение, но и за великую радость общения с ними.

О некоторых наших любимцах вы прочтёте в этой книге. И может быть... может быть, тоже решитесь на что-то важное и доброе в своей жизни, о чём вы давно мечтали, но не решились...

Мария Романушко,

1 марта 2003

Доброе утро, крольчишка!

Кеша на книжной полке, спит на книжках по психологии... Кешуля такая крошечная, что книга для неё – как двуспальная кровать.

Кеша бегает по дому и оставляет повсюду чёрные шарики, похожие на горошинки чёрного перца. Даже на письменном столе и на широкой тахте. Ксюша смеётся на это: «Опять Кешка нашарила. Ты наш Кешарик!»

Иногда Кеша сидит в коробке и смотрит оттуда. Это Ксюша соорудила ей домик, обустроив его поилкой, кормушкой и устелив пахучими опилками. Но Кеша сидит там недолго...

У Кеши шёлковые ушки. «Застенчивые уши», как сказал один наш знакомый. Это когда она их прижимает. Но чаще они стоят торчком, чуткие, как локаторы.

У Кеши мягкая пуховая шубка. Особой, невероятной, несказанной мягкости пузико. И нежнейший пушок между ушками. Кешуля любит, когда её ласкают. Просто растекается под рукой... Наша Кешенька. Кеша-Муреша.

Какого окраса Кеша? Одним словом не скажешь. Ушки – нежно-серого, серебристого. А сама она... Внутри шубка беленькая, а снаружи – голубая. Это оттого, что каждая шерстинка от своего начала и по всей длине – белая, и только на самом кончике – голубая. Как будто беленькую крольчишку обрызгали из пульверизатора нежно-голубой дымкой...

Кеша словно окутана голубым облачком, и от этого весь её облик очень нежный и таинственный... Такое лунное облачко, которое бесшумно носится по дому.

Из лунного шарика смотрят на мир два любопытных глаза. Сизые и совершенно круглые.

Пушистый шарик, который пролезает во все щели. Там, внутри этого шарика, Кеша совсем крошечная. Берёшь на руки это облачко, этот шарик, окунаешь руку в эту нежнейшую шёрстку, чтобы погладить Кешу – а Кеши почти и нет! Только сильно-сильно, за тонкими рёбрами, бьётся сердце – как будто у тебя в руках...

Наша Кеша умеет моргать. Но не глазами, а носиком. Всё время моргает носиком, и это очень забавно и трогательно. А ещё она щекочется усиками. А хвостик у неё такой микроскопический, что его вовсе не видно. Кругленькая пушинка, и всё. Вначале мы переживали, думали, что нам на Птичке (на рынке в Москве, где можно приобрести любое животное) продали дефективного, бесхвостого, кролика. Но потом обнаружили эту круглую пушинку и успокоились.

Кеша любит сидеть у Ксюши на коленях, может и задремать. Совсем малышка, ей ведь только месяц. Конечно, ей ещё нужна мама, материнское тепло. Ксюшины тёплые колени её вполне устраивают. Или сгиб моей руки – это для неё вроде норки...

Вдруг приболела, стала волочить ножки и заваливаться на бочок. Мы чуть с ума не сошли от огорчения. Даже звонили знакомому экстрасенсу, но он сказал, что с животными никогда не работал. Я лечила её сама, весь день держа в ладонях, она вся в них помещается... Лечила её теплом своих рук, своей любовью и молилась весь день святому Франциску Ассизскому – чтобы он помог нашей Кешеньке...

Ксюша ходила весь день сама не своя, как потерянная. Вдруг Кешуля зашевелилась, завозилась в моих ладонях, ушки встали торчком, носик быстро-быстро заморгал... Я раскрыла ладони – она миглом соскочила на пол и тут же, мягонько и упруго, попрыгала к пучку сена. Не волоча лапок и никуда не заваливаясь. И вот уже сухая травинка схвачена острыми зубками и стремительно укорачивается, исчезая у Кеши во рту... Слава Богу, выздоровела!

Учим Кешу пить из шариковой поилки. Но у неё это пока не получается. Ксюша волнуется. Да и я тоже: как же так она уже столько дней без воды! И вдруг Кеша поняла, как это делается. Ах ты, умница наша! Теперь то и дело подбегает к поилке и быстро-быстро лижет розовым язычком влажный шарик...

Теперь ходим по квартире, внимательно глядя себе под ноги: где там лунный шарик-Кешарик? Кеша-Муреша, Кешуленька...

Клетки у нас нет. Кеша носится повсюду. «Кролик на вольном поселении», – как сказал о ней кто-то из гостей. Вся квартира усеяна чёрными перчинками и опилками, которые Кеша разносит на своих лапках...

А внутри у меня – совершенно детское, забытое, непреходящее ощущение счастья... Как же мы раньше-то без неё жили, без нашей Кешки?

Надо видеть Ксюшу, когда она сидит, прижав Кешулю к своей щеке, что-то нашептывает ей, бесконечно ласковое... и жмурится от блаженства...

Кстати, никаких шерстинок, никакого запаха ни от самой Кешки, ни от её шариков. Ура, мы победили! мы нашли животное, на которое у Ксюши нет аллергии.

Папа принёс книжку про имена. Там много всего написано и даже, какое животное подходит какому имени. Я, естественно, тут же открыла на имени «Ксения». И что же я читаю? Кролик! Кролик – Ксюшино животное! Это надо же, как я интуитивно это почувствовала! Ведь это я высмотрела на Птичке карликовых кроликов, когда ездила туда на поиски кого-нибудь маленького и пушистого. И когда, вернувшись с Птички, я спросила Ксюшу, а не хочет ли она вместо кошки завести кролика, Ксюша просто завизжала от счастья! И призналась, что обожает кроликов не меньше кошек, только никогда не думала, что кролика можно завести ДОМА!

Имя для кролика – Кеша – придумала, естественно, Ксюша. Оно родственно её имени, как сама Кеша родственна своей хозяйке.

Когда кто-нибудь приходит, Кеша припрыгивает в прихожую: поглядеть, кто пришёл. Знакомые, которые ещё не знают о её существовании, просто застывают от изумления: «Ой, заяц!» Ксюша смеётся на это счастливо и с удовольствием и гордостью уточняет: «Не заяц, а кролик, точнее – крольчиха, а ещё точнее – крольчишка, ведь она ещё маленькая. А зовут её Кеша, Кешенька, Кешуля».

– А она не кусается? – спрашивает пришедший.

– А зачем ей кусаться? – удивляется Ксюша. – Ведь это же самое ласковое животное на свете! Мы её очень любим.

Действительно, самое ласковое. Ни шипения, ни мяуканья. Ни царапанья, ни кусания. Сама ласка. Безмолвная, но такая говорящая! Носиком, усиками и круглыми лунными глазками. Сама ещё маленькая, а глаза уже огромные – как два космоса. Внимательные, вдумчивые.

Когда Кеша сидит неподвижно и неотрывно смотрит на тебя своим сизым круглым глазом, она похожа на Сфинкса. Папа о ней так и говорит: «Наш Сфинкс». Загадочный, безмолвный...

А вообще Кеша похожа в разные минуты жизни на самых разных существ. То на кошку. То на белку. То на мышку. То на хомячка. То на козочку. Можно сказать, что мы в её лице приобрели целый зверинец.

Иногда Кеша ка-ак подпрыгнет на месте, ка-ак ударит изо всех сил лапками по полу, ка-ак отскочит резко в сторону, ка-ак крутанётся на сто восемьдесят градусов, ка-ак припустит со всех ног в другой конец комнаты... Папа говорит: «Это она от лисы удирает». – «От какой лисы?» – удивляется Ксюша. – «От воображаемой».

Когда Кеша несётся из комнаты в кухню, её даже заносит на поворотах... Она такие воздушные вихри подымает, что эти вихри подхватывают её, почти невесомую, и уже сами несут, куда хотят... «Ой, Кешуля, ты уже здесь?» Нет. Она уже там.

Любит днём, набегавшись, спать под письменным столом. В то время, когда кто-нибудь из нас работает на компьютере. И так это уютно – сидеть, работать, а у правой ноги – тёплое, пушистое, ласковое...

Рано утром, когда папа первым из нас садится за компьютер, Кеша выходит из своего домика и припрыгивает на кухню. Поносятся-поносятся, разомнёт лапки, потом вскочит на кресло, что рядом с папиным рабочим столом, тихонько, но требовательно постучит лапкой по папиной спине: тук-тук, погладь меня. Папа оторвётся от работы: «Ах ты, Кешка!» – и погладит её по шёлковой спинке, по шёлковым ушкам...

А то поносятся-поносятся, потом подбежит к папиному стулу, сядет столбиком и смотрит своим круглым глазом, и всем своим видом просит: погладь меня. Папа опять погладит...

А то начнёт точить зубки о пачки с книгами. Папа скажет строго: «Кешка! В шкаф спрячу!» – она стрельнёт в него лукавым взглядом, всё понимающим – и нет её. А только он заработается, как она тут как тут – и опять зубки о книжки точить! А сама при этом косит в сторону папы хитрым глазом...

Ещё она любит путаться у меня в ногах. Я хожу туда-сюда по кухне, хозяйничаю, а она в это время описывает вокруг моих ног непрерывные восьмёрки... Смешно и щекотно.

У меня есть длинная юбка, до полу, и Кешка полюбила под ней жить. Стою у плиты, готовлю ужин, или мою посуду, а она в это время сидит у моих ног под юбкой. Наверное, ей там уютно и таинственно, как было мне в детстве, когда я забиралась под стол, покрытый длинной скатертью... Сидит тихо-тихо, порой я даже не замечаю её, и только когда делаю шаг, вдруг ощущаю тёплую щекотку... Ой, Кеша! а ты здесь, оказывается!

Но что она позволяет Ксюше, это не рассказать! Ксюша её таскает, как хочет, на плече и под мышкой, как кошку, и валяется с ней на тахте в обнимку, прижимаясь к ней, как к источнику самой великой радости, и целует её куда хочет, то в пушистую спинку, то между шёлковых ушек, то в моргающий нос, – а Кешуля только млеет от блаженства.

А уж как Кеша любит, чтоб её гладили! Уж как она при этом выгибает нежнейшую свою спинку! Ни одной кошке такого и не снилось! (Ни при кошках будь сказано). Кеша – абсолютная чемпионка по гибкости. А Ксюша – абсолютная чемпионка по выглаживанию кроликов. И когда они лежат рядышком, на одной подушке, прижавшись щекой к щеке, нужно видеть эти две счастливые мордочки. Эти четыре таинственных глаза... О чём девочка шепчет крольчишке?.. О чём крольчишка – без слов – рассказывает девочке?.. Тайна сия велика есть. Но то, что они в какие-то минуты жизни представляют собой одно нераздельное целое, это – счастливый факт нашей новой жизни.

А иногда Кеша скачет по дому, как лошадка! Вот, она ещё и лошадка. Сколько же у неё ипостасей, сколько обличий? Какая неисчерпаемость прекрасных возможностей в этом маленьком безмолвном сфинксе!

«Почему вы назвали крольчиху мужским именем?» – удивляются знакомые. Ксюша возмущается: «И совсем оно не мужское! Кеша – очень женское имя, очень ласковое». – «Значит, она у вас Иннокентия?» – «Ну, как же вы не понимаете?! Кеша – это просто Кеша!»

Слаломистка в панцире

Но не долго Кеша была у нас одна. Хотя и одной Кеши хватило бы для счастья. Но тут настало такое время, когда сбываются мечты, давние и затаённые...

Хотя на Птичку в тот раз мы поехали не за мечтой, а за мужем для Кюши. Кюша – это наша черепаха, ей восемь лет. И этой весной, только пригрело солнышко, она просто с ума сошла от беспокойства. Она не находила себе места. Она забиралась на тахту и бессчётно раз сваливалась оттуда кверху пузом. И лежала потом, дрыгая лапами, в совершенной беспомощности, потому что, как известно, сама черепаха перевернуться со спины на пузо не может. Она забивалась в самые невообразимые щели и опять же оказывалась кверху пузом. Наши дни проходили в бесконечных поисках Кюши: где она в этот раз лежит кверху пузом?.. Если в квартире тишина – это признак того, что Кюша опять валяется где-нибудь в своей беспомощной позе и шлёт нам «SOS!»

А потом она открыла для себя спорт! Рядом с тахтой, на которой она любила прохаживаться, лежал большой самодельный тюфяк. И Кюша стала съезжать с тюфяка, как с горки! Съехав с него, она тут же спешила на него взобраться, чтобы совершить очередной съезд...

Невозможно подсчитать, сколько раз Кюша съехала с тюфячной горки, каждый раз при этом громко стукнувшись панцирным пузом о паркетный пол. Бух! – Кюша съехала. Бух! – опять съехала. Бух! – и когда же ей надоест?.. Бух! – нет, никогда не надоест, наверное... Бух! – интересно, что думают соседи снизу? Бух! – завидное, надо сказать, упорство и постоянство. Бух! – может, она готовится к черепашиным олимпийским играм? Бух! – вы видели когда-нибудь черепаший слалом? Если не видели, то приходите к нам, посмотрите.

А потом, подхватив Кешу и Кюшу, мы перешли в другой дом, ибо такова реальность нашей жизни: мы живём на два дома, сразу в двух домах, поочерёдно в двух домах. И тут уже тюфяка для нашей лыжницы не оказалось. Так что вы думаете? Она и здесь нашла для себя спортивную арену! Точнее – стену. Но – всё по порядку.

Как-то мы пришли с Ксюшей с прогулки, расцеловались с Кешулей, выбежавшей к нам навстречу, и тут же принялись искать Кюшу. Потому что на всю квартиру раздавался отчаянный скрёб черепаших когтей. Было ясно, что Кюша где-то застряла и молит о спасении. Стали двигать кресла, тумбочки, заглядывать под шкафы... Нигде нет. Но скребётся отчаянно! Прямо скрежещет!.. Кюша, где же ты? И тут внутренний голос подсказал мне заглянуть не под шкаф, а ЗА шкаф. То есть – в узкую щель между большим книжным, битком набитым, шкафом – и стеной. Для этого пришлось отодвигать другой шкаф, с продуктами. Книжный шкаф стоит почти вплотную к стене, но скрежет черепаших лап шёл именно оттуда! Мы взяли фонарик, осветили в тёмную пыльную щель... О радость! о ужас! Кюша действительно была там. На уровне третьей полки! Альпинистка ты наша. Как же ты проникла в эту щель своим негнушимся панцирем, как извернулась?

Ну, и нелёгкая же это была работа – двигать тяжеленный книжный шкаф!.. И вот долгожданное: бум! – Кюша вывалилась из щели. А потом ещё одно: бум! – вслед за Кюшей из щели вывалилась коробка шоколадных конфет с ромом. А... так вот зачем она туда полезла! Кюша, так ты, оказывается, сладёна!

После истории со шкафом мы решили: всё! немедленно едем на Птичку за второй черепашкой, мальчиком. У Кюши должен быть приятель, дружок.

Но на Птичке в этот раз черепашонка восьми лет не оказалось. Были только малыши. «Ну, с малышом ей будет неинтересно, – сказала Ксюша. – Но ведь мы же не можем уехать с Птички с пустыми руками. Зачем-то же мы приехали сюда сегодня?»

Мы бродили между рядов с живностью. И вдруг...

Существа в шёлковых шубках

«Какие хорошенькие!..» – прошептала Ксюша.

Мы стояли у вольеров с мышками. Беленькие, чёрненькие, серенькие, глазастые, юркие... Они устраивали настоящие битвы из-за кусочка морковки, или из-за сухарика. А один мышонок... Он был самый красивый: беленький, в тёмных пятнышках, как крошечный далматинец.

– Это мой мышонок, – прошептала Ксюша. – Это МОЙ мышонок... Я не уйду без него!

Далматинец оказался мальчиком. «Ну, так это же здорово! – сказала Ксюша. – Тогда мы ещё и девочку купим, будет ему жена».

Торговец грызунами (а у него в соседнем вольере обитали ещё и крыски, а в банках сидели угрюмые, сильно пахнущие бурундучки) – огромный рыжебородый мужик Михаил с весёлыми глазами. Он любовно брал свою живность за тонкие хвостики, искал нам девочку. И нашёл! Такую же крошечную беленькую мышку с шёлковой шерсткой. Прекрасную белоснежку...

Мышкам в тот день, когда мы их приобрели, было от рождения месяц и неделя.

Михаил, добродушно улыбаясь, поведал нам, как за мышками ухаживать, чем кормить, как поить. И положил наше приобретение в сигаретные коробки, так как у нас с собой ничего для перевозки мышат не было, а у Михаила только эти коробочки. Мы заволновались: «А они не задохнутся?» – «Да нет, ничего с ними не станется», – проурчал в рыжую бороду Михаил.

Ксюша с трепетом несла две сигаретные коробочки, а внутри – шебуршилось! И мы тут же, лишь только вышли с Птички, дали им имена. Панга и Пинга. Он – Панга, она – Пинга.

Рядом с Птичкой – зоомагазин. Здесь мы купили для Пинги и Панги вольер с красной крышей, шариковую поилку и маленькое соломенное гнёздышко, набитое мягким пахучим сеном. («Надо же, подумала я, у кого-то такая чудесная работа – делать гнёздышки для мышек!»)

Гнёздышко положили в вольер. А в метро выпустили Пингу и Пангу в их новое жилище. И они тут же принялись его исследовать. Сначала настороженно (ведь столько новых запахов! и вообще – куда мы попали?), а потом всё смелее и смелее. Особенно им понравилось уютное соломенное гнёздышко. Они как-то сразу поняли, что гнёздышко – это их дом, а вольер – это их территория. О, так это же очень здорово! Раньше-то они жили большой кучей в маленькой клетке, а теперь – столько простора!..

И они стали носиться по вольеру, опьянённые простором и свободой... Ксюша, глядя на их весёлую беготню, тихо счастливо смеялась... Да, мы были очень счастливы в ту минуту. И люди в метро, сидящие напротив, и глядящие на наших мышариков, – у них у всех на лицах были безотчётно счастливые улыбки... Я знала, что потом, дома, они будут вспоминать встречу с двумя чудесными мышками, и рассказывать о них своим детям, или внукам... Вот сколько людей мы сегодня осчастливили!

А ещё предстояло осчастливить нашего папочку. Если честно, то этот момент нас волновал, и даже тревожил. Мы думали, папа скажет: «Да вы что, девочки! Ведь у вас уже есть Кюша и Кеша». А мы ему скажем: но ведь мышки – это совсем другое!

И вот выходим из метро, идём к дому, а навстречу – наш папочка, торопится на работу... Но нам даже не пришлось оправдываться и в чём-то его убеждать, потому что наш папочка влюбился в Пингу и Пангу с первого взгляда, как и мы. «Кто это там? – заглянул он в вольер. – О, какие чудесные создания!..»

И вот мы зажили всемером: нас трое и четверо наших маленьких животных. А братец Антон в то время был в Индии. «То-то Антоша удивиться, когда приедет», – приговаривала Ксюша.

Придя домой, Ксюша тут же посадила Пингу и Пангу себе на голову – на макушку, где волосы стянуты пышным пучком. Пинга с Пангой решили, что это ещё один домик для них. Так сказать, дача. А Ксюша принялась обустраивать их вольер: жёлтые пахучие опилки, маленькая поилка. Составляла меню: овсяные хлопья, рисовые зёрнышки, ржаные сухарики... «Ксюша, ты счастлива?» – «Да!»

...А вечером папа держал в ладонях Пингу и Пангу, с нежностью и изумлением разглядывая их. «Какие крошечные!..»

Тонкая шёлковая шубка, под ней – нежные позвонки, все прощупываются. Если мышку погладить по спинке, она прижимается к ладони и становится похожа на шёлковую ленточку...

Ушки такие прозрачные... «Как лепестки», – сказал папа.

Усики всё время дрожат, дрожат, вибрируют...

У Панги глаза тёмные, крупные. У Пинги – красненькие и всё время немного прижмуренные. Оттого, что они красненькие, кажутся грустными – как будто заплаканными.

Сердце у маленькой мышки бьётся часто-часто и поэтому кажется, что она всё время дрожит. Даже во сне. Спят наши мышарики, свернувшись клубочком, и мелко-мелко дрожат... Хочется успокоить, защитить, приласкать. Такие нежные крошечные существа. Теперь они во всём зависят от нас.

...Утром на кухню является Ксюша, у которой на голове – Панга. Или Пинга. Нет, всё же фаворит у неё – Панга. От Панги она просто без ума. Пинга, когда её берёшь, может тихонько куснуть своими микроскопическими, но остренькими, как иголки, зубками. Впрочем, совершенно не больно. Белоснежка Пинга, как и положено барышне, держится пока настороженно. А Панга с первого дня спокойно и доверчиво идёт к Ксюше на руки. Сидя на голове, никуда не убегает. Пышный Ксюшин хвост для него – как гнездо. Тут же начинает в нём благоустраиваться...

«Панга, Панга, милый Панга! Ну, до чего ж ты хороший! Ну, до чего ж ты красивый! Панга!.. Ты – самый прекрасный мышонок на свете. Панга, я тебя люблю!» – носится Ксюша со своим любимцем. Не на радуется. Не налюбуется.

– Ксюша, – говорю я, – смотри, Кеша ревновать будет.

– Ой, Кешуленька! Я и тебя люблю, моя хорошая зайнышка...

«Панга, Панга, милый Панга!.. Ты мой хороший, ты мой хороший...»

На мышаток можно смотреть, не отрываясь, хоть целый день. «Медитируете?» – говорит папа. «Медитируем...»

Умиляет, как они едят, держа в миниатюрных ручках рисовое, или пшеничное зёрнышко. Ручки, как у человека. Цепкие, ловкие пальчики. На ладошках – крошечные пупырышки – там, где у человека бугорки. Интересно, можно ли по мышьиной ладошке прочесть судьбу?..

Учатся пить из шариковой поилки. Пока у Пинги и Панги та же проблема, что была в начале у Кеша. Не хватает сил надавить микро-язычком на шарик, чтобы вытекла капелька влаги. Но они стараются. Особенно настойчива и упорна в добывании желанной капельки Пинга. Женщины вообще терпеливее. А Панга быстро теряет терпение. Начинает отчаянно лизать поилку снаружи, видит, что внутри – вода, хочет проникнуть к ней. «Ты же не там лижешь, Панга! Учись, милый, учись, мой хороший!» – волнуется за него Ксюша.

Но зато какой же Панга хозяйственный! Всё началось с капустных листочков. Мы положили их в вольер мокрыми, чтобы Пинга и Панга слизывали с них капельки. Они поняли и сли-

зали. А потом Панга потащил листики внутрь соломенного гнёздышка. И стал старательно устилать гнёздышко изнутри.

Потом Панга прогрыз в гнёздышке несколько дополнительных окошек. Теперь они носятся с Пингой туда-сюда, не уследишь за ними... Юрк, юрк...

Набегавшись, спят валетиком в гнёздышке. Гнёздышко маленькое, но оно для них – просторный дом. Только хвостики торчат из одного окошка и из другого. Домик с двумя хвостиками.

Да, Панга очень любит обустроиваться. Всё немедленно тащит в гнездо: травинку, берёзовый листочек... Особенно ему нравятся берёзовые листочки. Очень хозяйственный. На сделанном не успокаивается. То перекатит гнёздышко в другой угол вольера. То выкинет из него всё и начнёт работу сначала... «Панга, ведь всё было замечательно!» Нет, он опять собой не доволен, – он стремится к совершенству.

Вольер с Пингой и Пангой стоит на табурете рядом с Ксюшиным диваном. Проснувшись, она тут же погружается в созерцание их жизни...

Вот они носятся друг за другом с отчаянным визгом и мы не можем понять, то ли это выяснение отношений, то ли игра у них такая...

Вот они бегают по гнёздышке, как по лабиринту, высовываясь одновременно во все окна и двери. Особенно забавно, когда из окна выглядывает мордочка Панги и, одновременно, торчит хвостик Пинги. Или наоборот...

Вот они спят валетиком в своём уютном домике, на пахучей соломке...

Вот они завтракают. Панга, схватив большую тыквенную семечку, грызёт её, повернувшись спиной к Пинге. Это же невежливо, Панга! Или он быстро убегает со своим зёрнышком куда-нибудь в уголок, или даже за домик и завтракает в полном одиночестве. Ах, Панга, тебе незачем бояться Пинги! Разве ты ещё не понял, какую тихую и смиренную мышку даровала тебе судьба? Разве ты ещё не понял?..

Вот они умываются. О, умывание – это настоящий ритуал! Никто на свете не умеет так умываться, как мышка. Личико, носик, ушки, головку, и крошечные ручки, каждый пальчик в отдельности – всё вылизывается тщательнейшим образом, а потом ещё надо вылизать шёлковый животик, и ножки, и спинку, спинку обязательно, изогнувшись самым фантастическим образом. Ну, и хвостик конечно же! До самого кончика. Очень трогательно это всё. Но есть и смешной момент: это когда они чешут у себя за ухом. За ухом они чешут ножкой, то есть – задней лапкой. Да так быстро, на какой-то космической скорости, что это даже громко! Как будто рокочет маленький пропеллер. Вдруг из вольера раздаётся: «Тр-р-р-р-р-р-р!..» – и мы уже знаем: это Пинга или Панга чешут у себя за ухом.

Обожают тыквенные семечки. Удивительно, как они с ними управляют, ведь тыквенное семечко для них – это как для нас книжный шкаф, например. Когда мышка сидит на задних лапках, семечко выше её ростом! Но при этом она ловко держит своими цепкими пальчиками эту гигантскую вкусность и быстро-быстро: хрум-хрум-хрум!

Как же много они едят, однако. Даже удивительно: когда они успевают? Только насыплешь им зёрен или семечек, глядь – уже ничего нет. А в книжке написано, что мышка за сутки съедает 2 грамма. Ничего себе 2 грамма! Пинга, Панга, вам плохо не будет?

Но всё выяснилось, когда Ксюша стала менять в вольере опилки. Под слоем опилок обнаружился слой зёрен и семечек. Так вот оно что... Запасливые вы наши!

И всё же Панга покушать любит, это факт. Он уже явно превосходит Пингу в размерах. В длину-то они одинаковые, хотя заметно подросли: уже не пять сантиметров, а все семь! Но в ширину Панга шире в два раза. Пинга по-прежнему тонкая ленточка, а Панга на глазах превратился в шарик! Толстые щёки как у хомячка, а глаза стали маленькие, еле видные из-

за щёк. А ещё Панга из доверчивого стал трусливым. Стоит поднести руку к вольеру – как он мгновенно, как вихрь, улетает в гнездо. Но стоит насыпать зерна на кормушку – он тут как тут, да ещё и у Пинги норовит вырвать прямо изо рта рисинку, или сухарик.

А Пинга – сама мягкость, никогда не вступит в драку, никогда не выразит ни малейшего протеста или хотя бы недовольства. О, мудрейшая из женщин! – думала я иногда.

А Панга набьёт брюшко – и на бочок, в мягкое гнёздышко. Поспать он тоже очень любит. Мы даже заволновались: что это Панга так много стал спать? В то время, как Пинга одиноко прогуливается по вольеру, задумчиво жмуря свои глазки... Я даже думала иногда, глядя на прекрасную белоснежку Пингу: «Неужели она сможет полюбить такого, вечно сонного и вечно жующего мышонка? Да к тому же и трусишку. Ах, бедняжка, как ей не повезло! Мы не того ей выбрали. Мы польстились на красивую шубку. Прости, Пинга...»

Сама же Пинга никогда не убегала и не пряталась, когда рука приближалась к вольеру. Она лишь вжималась слегка в опилки, замирала, запрокинув голову, и смотрела на нас долгим взглядом своих немного грустных, точно заплаканных глаз... Пинга, Пинга, как ты прекрасна!

«И всё-таки лучше Панги нет мышонка на свете! – приговаривает Ксюша. – Ты мой милый трусишка, ты мой милый обжорка, ты мой милый соня... Красавец Панга! Панга мой хороший, Панга любимый...»

Да, а потом пришла пора ухаживания, пора любви, и мы поняли, что под прекрасной шубкой Панги кроется такое же прекрасное сердце. Поняла это и Пинга.

Их отношения были столь нежны, что, глядя на эту милую парочку, просто захватывало дух и почему-то хотелось плакать...

Всё у них было взаимно и удивительно гармонично. Кроме тех моментов, когда он отбирал у неё рисовое зёрнышко. Но она ничуть не обижалась на него, она слишком его любила. Да и зернышек было много, она брала другое.

Но были споры из-за благоустройства гнезда. Нет, прошу прощения, не споры, и не ссоры. У Пинги такой удивительный характер, в ней столько нежности и женской мудрости, что до споров и ссор дело никогда не доходило. Она предоставляла Панге, как мужчине, принимать решения. Особенно, когда дело касалось благоустройства гнезда. Хотя ей, конечно, тоже хотелось поучаствовать. Затащит, бывало, в гнёздышко берёзовый листик, уложит его там на свой вкус, но тут же влетит в дом маленьким вихрем Панга, схватит пингин листик – и давай его выпихивать назад в окно! Не так ты его положила, не женское это вообще дело! До смешного доходило. Так порой рассердится, что и свои листики тоже повыбрасывает. И – начнёт всё сначала...

Но Пинга не вытерпит и опять внесёт тихонько свою лепту, свой листик. Панга – тут как тут! Мужской гонор не даёт покоя. Хотя в душе понимает, что ничего плохого Пинга не сделала, а только хорошее. Как-то вечером подсмотрела такую милую семейную сцену. Выбросил Панга гневно пингин листочек в окно, а потом... Потом оббежал дом, нашёл этот листочек и уже САМ его внёс в дом!

Одним словом, не допускал любимую женщину до тяжёлой работы. Не хотел её обременять хозяйственными хлопотами. Её дело – умываться, чистить белоснежную шубку и любить мужа. Быть ему покорной. И у Пинги это получалось, как ни у кого.

Пинга очень любила Пангу, а Панга очень любил Пингу. Их отношения напоминали наши, человеческие отношения, и вообще Пинга и Панга удивительно похожи на людей, только очень крошечных. Когда я смотрю на них, я кажусь себе Гулливером. Но отношения у них даже лучше, чем у людей.

Они – ясные, прозрачные, простодушные. Панга – воплощение любви и заботы, Пинга – воплощение нежности и мудрости. У них есть чему поучиться. Нам, людям.

А потом... А потом кругленький шарик Панга стал стремительно уменьшаться в размерах. «Ой, Панга как похудел, – заволновались мы. – Что это с ним?..»

А ЭТО было не с ним, а с ней. С Пингой! Это она стала увеличиваться в размерах. «Однако... с чего бы это?» Неужели крошка Пинга собирается стать мамой? Вот как стремительна у мышек жизнь. Скоро им три месяца от роду, по нашим, человеческим, меркам – лет двадцать...

Вскоре фигурка Пинги стала напоминать конус. Пинга была уже не так проворна, как прежде, ей стало трудно вылизывать свою белоснежную спинку. Она всё больше лежала под поилкой и часто пила. В глазках её поселилась тревога. Ещё бы! ведь ей предстояли первые роды.

Мы не знали, когда это произойдёт, и очень волновались за Пингу. Дни наполнились ожиданием... Может, сегодня? Но проходило сегодня, а ничего не происходило. Панга то и дело заглядывал под хвостик Пинге: ну, когда, когда, когда же ты их родишь?.. И всё устилал и устилал гнёздышко свежими берёзовыми листочками, точно пелёнками, – готовился...

И вот... утром 1 июня, в День защиты детей, папа разбудил нас с Ксюшей взволнованным шёпотом: «Просыпайтесь, у нас произошло удивительное событие...»

«Неужели?!» – мгновенно поняли мы, что произошло. И – бегом к вольеру!

Худенькая, тоненькая-тоненькая Пинга сидела в уголке и тщательно, с наслаждением вылизывалась. Теперь уже необъятный животик ей не мешал сделать это важное дело. А в другом уголке, на подстилке из берёзовых листочков, копошились розовые, размером с фасолинку, мышатки... Сколько же их?.. Один, два, три, четыре... Нет, сбились. Один, два, три, четыре, пять... Папа утверждал, что мышат шесть, Ксюша, что их десять, не меньше. На самом деле их оказалось восемь – тоже не мало.

Они были слепые, но под нежными тонкими веками просвечивали большие тёмные глаза... И ушки у них ещё не оттопырились, крупные головки (если определение «крупные» вообще уместно, когда речь идёт о таких миниатюрных созданиях, но головки действительно казались большими по сравнению с тельцем), эти головки были совершенно гладкими, с выпуклыми умными лбами. Новорождённый мышенок оказался удивительно похожим на человеческого эмбриона.

Мышатки были совершенно беспомощные. Единственное, что они умели – это дрыгать ножками. И... шевелить усиками! Усики были еле видны, это Ксюша их разглядела. Но они были, и они уже вибрировали! Такие микроскопические антеннки. А на мышаткиных ладошках можно было рассмотреть микро-микро-микро-пупырышки!

По вольеру, туда-сюда, бегал в сильном волнении Панга. Он совершенно ошалел от счастья...

Ну, надо же! крошки Пинга и Панга стали мамой и папой. Поздравляем вас!

«Всё! – сказала Ксюша, устроившись удобно в старом кресле перед вольером. – Всё! Никуда отсюда не уйду. Буду наблюдать».

И тут произошло следующее. Панга, подбежав к детям, схватил одного и потащил в гнездо. Быстро вернулся обратно, схватил второго и понёс туда же. Мышатки при этом тоненько попискивали – казалось, кто-то играет на крошечной-крошечной скрипочке...

Пинга с изумлением смотрела на Пангу, который устремился уже за третьим мышонком... Тут она кинулась в гнездо и понесла в зубах розовую фасолинку-скрипочку обратно! Я – мать, и я лучше знаю, где должны лежать новорожденные дети! А я – отец, и я убеждён, что мои дети должны находиться в гнезде! Такой диалог без труда прочитывался в действиях Пинги и Панги.

Так они и носились без остановки: он тащил детей в гнездо, а она – обратно, на подстилку в уголок... Спор новоиспечённых родителей длился почти час! И никто никому не хотел уступить. Мышата пищали всё громче, явно от голода, а Пинга не имела возможности их покормить. И тогда мы с Ксюшей решили отсадить Пангу в другой вольер. Конечно, на время. Чтобы успокоился. И понял, кто здесь теперь главный.

Так мы и сделали. Панга сначала попрыгал там возмущённо, но быстро присмирел, затих и – загрустил... Разлучённый с семьёй, он смотрел такими тоскующими глазами! Как человек. Нам даже не по себе было, видя этот взгляд. «Милый Панга, прости, это не навсегда. Но ведь нужно дать Пинге возможность покормить ваших деток!»

А Пинга тем временем заботливо вылизала розовые, дрыгающиеся, отчаянно поскрипывающие фасолинки, и они дружно уткнулись в её белоснежный животик. Это была удивительная минута, полная нежности и даже, я бы сказала, благодати...

Весь первый день лета мы с Ксюшей почти не отходили от вольера, наблюдая череду вылизываний и кормлений... А ночью Пинга сама перенесла детей в гнёздышко.

Наутро мы вернули грустного Пангу в родной вольер. Он был притихший и больше не командовал.

Рядом с соломенным гнёздышком, откуда то и дело доносилось нежное поскрипывание, и где теперь происходило, скрытое ото всех посторонних глаз, пестование мышат, Панга сплёл из травинки ещё одно гнёздышко – для себя. И поселился в нём. Стоит Пинге отлучиться из Главного гнезда к поилке или за сухариком, Панга тут же вскакивает на верх гнезда – охраняет детей. Стоит мне или Ксюше открыть вольер, чтобы насыпать корм, – Панга норовит куснуть, и пребольно. Он защищает детей! Заботливый, бесстрашный Панга.

Да, до рождения детей Панга был обжора, соня и трусишка. Но что сделало с Пангой отцовство! Он перестал есть и спать, он исхудал, он всё время на страже своего семейства, каждую минуту начеку. А на исхудавшем лице – полные любви и тревоги, огромные чёрные глаза! Самое главное теперь у Панги – это глаза. Наш Панга – прекрасен!

Но что это он так безвылазно сидит сегодня в своём соломенном гнёздышке? Панга, ты не заболел? Ты совсем перестал есть, Панга, так нельзя, сгрызи хотя бы рисовое зёрнышко, попей водички. Согласился на уговоры, побежал к поилке, а в его травяном гнёздышке какое-то шевеление... Батюшки! да ведь там мышонки! Ксюша, Ксюша, Панга опять мышонка похитил! Берём деревянную ложку, подхватываем ею мышонка и аккуратно запихиваем его в окошко Главного гнезда – ко всей компании. Ну, Панга!..

А на следующий день повторилась та же история. Панга опять «насиживал» в своём гнёздышке мышонка! Мы страшно встревожились, особенно обнаружив на спине у мышонка тёмное пятно. Это синяк, решили мы, Панга мышонка «отсидел» до посинения. Что же ты делаешь, Панга, а? Зачем похищаешь у матери детей? Они же не могут без её молочка! Ты это понимаешь?

Не может быть, чтобы не понимал, слишком уж по-человечески смотрел на нас. Но любовь к детям у чадолюбивого Панги была сильнее рационального понимания. И на третий день Панга опять насиживал мышонка! А Пинга иногда юркала в травяное гнёздышко, и оттуда несло скрипичное попискивание... И мы опять приходили Пинге на помощь и запихивали деревянной ложкой похищенного младенца в соломенное гнездо. Этот тоже был посиневший. Наверное, от голода, решили мы. Ну и дела... Значит, спор за детей так и продолжается?

В очередной раз разлучённый с мышонком, Панга загрустил и уснул в своём травяном домике в одиночестве...

Я работала всю ночь на компьютере, дописывала повесть, а мышарики спали в вольере рядом, на столе. Там было тихо и спокойно. И вот утром...

Я уже выключила компьютер, чтобы идти спать. Солнышко вставало, заливая кухню густым оранжевым светом, точно абрикосовым соком... Смотрю в вольер к мышкам, и что же я вижу? Из соломенного гнёздышка появляется Пинга, она тащит за шкирку поскрипывающего мышонка. И куда же она его тащит? Она его тащит... к травяному гнёздышку Панги! А из гнёздышка выскакивает радостный Панга, бежит навстречу Пинге, и они вдвоём, помогая друг другу, потому что отъевшийся мышонок уже не такой лёгкий, как в первые дни, вдвоём они доносят свою драгоценную ношу к травяному гнёздышку Панги. Так вот оно что! Оказывается, Пинга САМА выдаёт Панге каждый день по мышонку! Чтобы любящий папочка не скучал. Чтобы не чувствовал себя отвергнутым. Чтобы тоже был при деле. Пинга, Пинга, маленькая мышка, откуда в тебе столько мудрости?

А в утреннем ярком свете я рассмотрела, что на спинке мышонка пробивается тёмная шерстка... Так вот оно что! А мы-то думали, Панга, что ты его отсидел! Прости, Панга, наше невежество.

Так они и жили. Каждый день Пинга выдавала Панге по мышонку. Панга был горд и счастлив. Он просто сиял! Деревянная ложка больше не разрушала его блаженства. Днём Пинга, покормив детей в соломенном гнезде, прибежала в травяное гнёздышко к Панге – покормить малыша, который сегодня гостит у папы. А на ночь забирала его в большое гнездо...

Когда Панга ел, и ел ли он вообще, оставалось неизвестным. По крайней мере, никто из нас не видел его за этим занятием. Ему было решительно не до этого! Он то вылизывал мышонка в травяном гнёздышке, то сидел на вершине соломенного гнезда, охраняя его, когда Пинга уходила к поилке, или отсыпалась где-нибудь в уголке. Да, он давал ей отдохнуть. Она, бывало, спит, а он сидит на вершине соломенного гнезда, и чуть только услышит какой-то писк – тут же юрк внутрь и давай их всех ласкать, вылизывать – только чтобы не пищали, чтобы дали Пинге отдохнуть. Такой удивительно заботливый мышонок. Такой удивительно любящий муж. Вылизет, успокоит детишек – и опять сидит на вершине гнезда. На страже семейства. Огромные тёмные глаза горят любовью.

Дни шли за днями, и вот уже толстенные мордашки ещё слепых мышариков стали появляться в многочисленных окошках соломенного гнезда. И настал день, когда первый серенький мышарик на некрепких ещё ножках, покачиваясь, вышел из родного гнезда и, шажок за шажком, потопал, потопал по бескрайнему простору маленького, но такого огромного для него вольера... «Началось!..»

А вот уже и остальные посыпались из гнезда, как фасолины из стручка. Впрочем, они уже были покрупнее фасолинок, скорее как крупные бобы, серенькие и чёрненькие. Ни одного беленького, как Пинга. И ни одного в пятнышках, как Панга. Только у нескольких на тёмном лбу – белая чёрточка. Очень красиво.

С каждым днём мышарики становились всё активнее. И настало время, когда Пинге уже не было возможности уйти в уголок и там отоспаться. Детки находили её повсюду! Ещё незрячие, они бегали за ней по всему вольеру. И только настигнут её – тут же присасываются. Бывало, она идёт, а они гроздьё висят у неё на животике, дрыгают отчаянно ногами и жадно сосут, сосут, растут, растут...

Смешная и трогательная картинка того времени: сидит Пинга посреди вольера, грызёт сухарик, а по вольеру в поисках вожаковой мамочки топает мышонок. Ещё незрячий. Дотопал до кончика её хвоста. Нашупал, потыкался мордочкой, усиками, удостоверился, что это именно мамин хвост – и... пошёл по нему, как по канату. Вслепую, наощупь – как заправский

цирковой артист! Дотопал до Пинги и – брык на спину, ножками дрыг-дрыг – и въехал к ней под мягкий животик, туда, где вкусно. И – присосался. А она продолжает себе грызть свой сухарик...

А как они учились умываться и вылизываться, ещё незрячие!

А потом и глазки открылись, тёмные и блестящие, как у Панги. Когда мышарикам исполнилось две недели. О, это было великое событие!

А как они дружно грызли овсяные хлопья, сидя кружком! Хрум-хрум-хрум... А на закуску – подайте нам мамочку! Где она? Хватай, лови, держи, догоняй! После неуверенного топанья настал период прыганья. Бегать мышарики ещё не умели, зато прыгали как кузнечики! Глазастые кузнечики с хвостиками. Прыг-скок! прыг-скок! Высоко, стремительно – не ухватишь. Мамочку свою настигали в три прыжка. Когда все восемь одновременно припрыгают за молочком, то это было зрелище! Все брык на спинки – и, отталкивая один другого, отчаянно дрыгая тридцатью двумя лапками, стараются въехать под материнский живот. Кормить их лёжа она уже не могла, такие они были бутузики. Поэтому она стояла. А через неделю она и стоять уже не могла – она парила над ними! Мышарики держали её на весу. Вот такая удивительная картина, где ещё что-либо подобное увидишь?

Да, Пинге приходилось теперь нелегко, детки её здорово высасывали. Так что на общение с ними у неё почти не оставалось сил: только бы успеть перекусить между кормёжками и чуть-чуть вздремнуть...

Но зато Панга наслаждался общением с детьми в полной мере! Уж как он их вылизывал, своих обожаемых деток! Это надо было видеть. Мышарики к нему в очередь выстраивались – на вылизывание. И даже дрались порой, кому первому вкусить этой радости. А уж Панга старался! Каждого, от носика до хвостика, с величайшей нежностью.

И мышарики учились отвечать лаской на ласку. Скоро и они уже, то один, то другой, подбегут к Панге и давай его вылизывать. А то и несколько сразу. Тут уж папочка Панга в полном блаженстве! Особенной нежностью отличались девочки, две чёрненькие и одна серенькая. И так же, как они гонялись за мамой Пингой, чтобы её пососать, так же они стали гоняться за папой Пангой, чтобы его обласкать. И каждый из родителей получал свою долю радости.

Да, три мышарика оказались девочками, а пять – мальчишками. Мальчишки старались вовсю подражать отцу. Особенно этим отличался самый крупный мышонок. Видимо, самый старший. Ксюша его назвала Федей.

Федя первым вскарабкался вслед за Пангой на вершину соломенного гнезда и стал вместе с отцом охранять дом. Федя первым научился вылизывать других мышат, братьев и сестёр, и стал настоящим помощником родителям. Федя, к тому же, никогда не затевал драк, был спокойным и добродушным. Как Пинга и Панга. Ксюша так его и называла – «подражатель».

Федя на равных с Пангой пестовал малышей. Особенно к нему льнул самый маленький, серенький мышонок. Однажды мы наблюдали такую картину: Федя вылизывал, вылизывал Малыша, тот так и уснул в объятиях старшего брата. А Федя боялся шевельнуться, чтобы не разбудить Малыша, который сладко спал, положив ушастую головку на Федину лапку...

Вот так они и жили, наши удивительные мышарики. Росли не по дням, а по часам, уже вовсю умывались, чистились, учились пить из шариковой поилки, таскали туда-сюда берёзовые листочки, прорывали в опилках туннели...

Мы положили в вольер свежие берёзовые ветки, мышатки тут же обгрызли листочки и утащили их в гнездо. Почки объели с аппетитом. А по голым веткам стали бегать, как по спортивному комплексу. Маленькие акробаты, канатоходцы. Вот это было веселье!.. Вот что им было нужно для полного счастья. И только мышарики сгрызли свой первый спортивный комплекс, мы им тут же принесли новый. Резвитесь на здоровье!

Итак, три девочки и пять мальчиков. «Надеюсь, вы их не оставите всех?» – спрашивал папа. «Ну, только двух чёрненьких девочек, Пюсю и Флунсю, – умоляюще говорила Ксюша. – Смотри, какие они чудесные, какие у них огромные блестящие глаза – как у Панги! Ну, и ещё Федьку. Я не могу с ним расстаться, я его слишком люблю. Я даже не думала, что можно так полюбить простого серенького мышонка...»

«А с остальными что будете делать?» – «Раздаривать. Я уверена, что из наших знакомых многие захотят взять таких чудесных мышат», – уверенно сказала Ксюша. – «Н-да?..» – засомневался папа.

– Ну, в крайнем случае, отвезём на Птичий рынок Михаилу. Он сказал: будет потомство – привозите, всех у вас возьму.

– Ну, тогда ладно, – успокоился папа.

Но до расставания было ещё далеко...

Сладкая парочка

И всё же мы нашли для нашей Кюши приятеля! Восемилетнего черепашонка. Которому Ксюша уже давно придумала имя – Куш.

Интересно, думаю я, почему Ксюша даёт своим животным имена, настолько близкие к своему? Кеша, Маркуша (предыдущая черепаха, потерянная на даче), Кюша, а теперь вот – Куш...

Может, каждое из наших животных – это в какой-то степени она сама, Ксюша? Может, через них она рассказывает нам о себе? Наша удивительная таинственная девочка... И весёлый кролик, и нежные мышки, и самоуглублённые черепахи – они такие разные, – но каждый из них чем-то похож на Ксюшу. Поэтому ей нельзя подарить животное (она бы страшно расстроилась, если бы произошло такое самоуправство в её жизни), потому что она должна выбрать сама – СВОЁ.

Вот и теперь она безошибочно выбрала СВОЕГО черепашонка. «Это он!» – сказала она.

Когда мы его привезли домой, Куш оказался на удивление похож на Кюшу. Это редко бывает. Вообще, все черепахи – разные. Как люди. На панцире у каждой – как будто послание. Но нет двух одинаковых посланий.

Захочешь специально найти двух похожих черепах – ни за что не найдёшь! А тут – такое поразительное сходство. И форма панциря, и рисунок на нём... Только Куш более загорелый, коричневатый. Когда они рядом – это видно, но когда кто-то один по комнате прогуливается, теряемся в догадках: «Ты – Кюша? Нет, ты, кажется, Куш. Хотя...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.